

ПО ПОЛЮ

В один из самых обычных майских дней, возвращаясь с дачного участка, мы с мамой стояли на перроне в ожидании электропоезда. Кроме нас, никого не было, поскольку это была суббота и дачники, предпочитая проводить выходные дни на своих земельных участках, выезжать в город не торопились. Погода радовала, солнце пригревало, ветерок касался нас приятной прощальной весенней прохладой.

Неожиданно к нам подошёл седовласый мужчина. Подошёл и с ходу огорошил нескончаемым потоком дифирамбов. Поэтическая речь его была наполнена словами, воспевающими женщину как самое загадочное и божественное создание в этом мире. Перронный незнакомец умело осыпал похвалой меня и маму. Мы едва успевали благодарить за многочисленные комплименты.

Разумеется, было приятно слушать его восторженную речь. Но мне при этом с трудом удавалось сдерживать усмешку. В то время как душа моя испытывала восторг, в сознании (в силу редкости подобных уличных откровений) крепло отчуждение. Мама тоже находилась в явном смятении. Необычность происходящего, излишняя откровенность мужчины — всё это натолкнуло меня на мысль, что перронный собеседник — чуждак.

Прочитав уйму стихов, чуждак принялся рассказывать о своей маме.

— Матушка моя тоже была сказительницей. Не знаю, что придавало ей силы, но прожила она очень долгую, хотя и весьма нелёгкую жизнь. Я никогда не слышал, чтобы мама жаловалась. Жизнь она любила, людей всех любила... И на последнем вздохе ей хотелось пробежаться по полю... — рассказывал случайный незнакомец.

«Зачем нам это знать? При чём здесь поле?» — подумала я. Не знаю, что чувствовала моя мама, когда слушала этого человека, но на тот момент чудак пробудил во мне чувство жалости. Мне он казался несчастным и странным. Ну кто же будет, стоя на перроне, первым встречным женщинам читать стихи, а после делиться самым сокровенным?! Но когда я наконец-то заглянула в его глаза, полные одухотворённости, жизнелюбия, то мысли о жалости растаяли, отчуждение исчезло. Нет, такого человека не жалеть надо и уж тем более не называть чудачком — учиться у него следует, учиться жить с открытым сердцем, любить окружающих, и самое главное — любить её, жизнь!

Подтверждая мои размышления, «чудак-поэт» после рассказа о своей матушке перешёл к истории о сыне:

— «Сколько тебе лет, папа, ты хорошо помнишь?! Откуда же в тебе столько энергии?!» — частенько спрашивает у меня сын. А я ему каждый раз отвечаю: «Зачем года считать? Надо просто жить. Только дальше, только вперёд! Если года, месяцы, дни, часы считать да вспоминать, так и жить некогда».

Тут и я заинтересовалась возрастом незнакомца.

— Восьмой десяток разменял, — ответил он.

Подумать только: человеку, стоявшему рядом с нами, — за семьдесят! Трудно было в это поверить. Как же мало морщинок на его лице, а сколько энергии излучали его глаза! Единственное, что выдавало преклонный возраст, — абсолютная белизна волос.

— Хорошо, когда есть наставник, и трижды хорошо, если этот наставник — родитель. Вот меня матушка и словом, и делом, да что там... жизнью своей учила. Потом я сына своего учил. До сих пор учу... — продолжал наш удивительный собеседник.

Но тут подошёл электропоезд, и «чудак», прощаясь, пожелал нам с мамой всего хорошего. Мы пошли на посадку, а он выбрал другой вагон.

Всю дорогу я думала о нём, о перронном рассказчике. Надо же, мы и имени его не узнали. Мне стало очень стыдно: ведь он зашёл в соседний вагон — значит, или мы с мамой скучные собеседники, или понял сказитель, что его в очередной раз за чудачка приняли. Неужели обидели человека? Кто же из нас чудак?

Меня в пути не покидали мысли о чём-то упущенном, появились вопросы, адресованные к прекрасному незнакомцу. Много вопросов, которые так и остались без ответов. Всплывали в памяти отрывки его фраз, рифмы — невероятно легко и светло было на душе от этого. Чудной оказался чуждым! «Душевный и талантливый жизнелюбец!» — подумала я про себя.

Прошло уже несколько лет после той самой майской встречи. Дачу мы продали и больше не встречали милого седовласого незнакомца. Но я до сих пор время от времени вспоминаю «чудака». Вспоминаю пример его жизни, пример нескольких поколений — наставников. При каждом таком воспоминании душа расцветает, наполняется силой, хочется жить, творить, просто быть человеком и когда-нибудь пробежаться по полю...

СВЕТ В ОКОНЦЕ

Мария, прикрывая лицо краем зонта от бьющего наотмашь дождя и встречного ветра, бежала по безлюдной и залитой водой улице. Повернув направо, она попала в маленький дворик, охраняемый тремя полувековыми кирпичными пятиэтажками. Остановившись от отчаяния, вызванного состоянием дворовой территории, асфальтированной, по всей видимости, тоже не менее полувека назад, Мария испытывала огромное желание вернуться на автобусную остановку и уехать домой. Её голые ноги кусал ветер, промокшие насквозь туфли добавляли холода, часть юбки и спина жакета были запятнаны дождём. Усиливали бо́льшую раздражительность её тёмные длинные волосы, которые, покоряясь ветру, то и дело назойливо лезли в лицо.

— Ох, за что мне это?! — воскликнула Мария, будто рядом стоял тот, кто может ответить.

Но тут же, вероятно, сама для себя найдя ответ, Мария, сощулив глаза и стиснув зубы, поплыла по затопленным рытвинам и колдобинам старого дворика, по-прежнему краем зонта обороняя своё лицо от проделок погоды.

Мария была студенткой престижного вуза и не менее престижного факультета журналистики. В летний период она находилась на производственной практике. В тот самый день городская медицинская газета «Пульс» направила её в

стоматологическую поликлинику на встречу с главврачом — Гаичниковым Александром Михайловичем. Мария была не в восторге от медицинской газеты, от главного редактора, от остальных сотрудников и, естественно, от заданий. Так уж получилось, что она попала именно в это ненавистное ей печатное издание и вынуждена была терпеть. Сегодня ей предстояла встреча с главврачом, небольшой материал по итогу — и конец. Последнее дело студентки-практикантки этим летом. Характеристика, подпись, печать — всё, прощай, «Пульс»! Для следующего раза, она была уверена, подвернётся более подходящая и интересная газета.

Подумать только, всё это время, пока Мария находилась на практике, погода будто специально подливала, но не масло в огонь, а лишнюю воду. Студентка верила, что природа сочувствует и страдает вместе с ней. Но как только получится хлопнуть дверью в редакции «Пульса», то и в небе появится огромная подмигивающая цветная радуга, солнце высушит все безобразия, оставленные дождём. А на следующий день оно же, солнце, заставит Марию отправиться на загородное озеро для заслуженного отдыха.

Студентка, с видом страдальцы пройдя старенький дворик, попала на аллею, ведущую прямо к стоматологии. Преодолев аллею, Мария, борясь с ветром, с трудом закрыла зонтик и вошла в поликлинику. Её встретило большое квадратное безлюдное пространство. Тут же была регистратура со своим стандартным малюсеньким окном, ведущим в другой мир. Вот он, бумажный мир секретных буквенных символов, которые расшифровать и прочитать под силу только врачам.

Марию привлекли в оконце белоснежные зубы регистратора, закованные между двумя напояженными губами.

— Добрый день! Сразу понятно по вашей белоснежной улыбке: я попала именно в стоматологию! — язвительно проговорила Мария женщине.

Дама улыбнулась ей в ответ ещё радушнее. «Надо же так улыбаться — почти на всю ширину рабочего окна», — подумала студенточка. Но сама в ответ непроизвольно растянулась в столь же широкой улыбке. Время позволяло Марии задержаться здесь, и этого ей почему-то очень хотелось. Сияние женщины в оконце так и располагало к общению. Из-под её белого халата

выглядывал яркий цветастый воротничок блузы. Краски ворота играли летними сочными оттенками и удачно сочетались с её напыаженными улыбающимися губами. Удивительно, что короткие светлые волосы добавляли ей женственности. Глаза её блестяи, излучая что-то особенное и светлое.

Регистратор сочувствовала промокшей и прозябшей язвительной посетительнице и даже предложила чашечку чая из своего термоса. Мария и сама не поняла, как получилось, что они, представившись друг другу, перешли к жизненным откровениям. Чрезмерная, но естественная радость Людмилы (так звали регистратора) заинтересовала пытлиую молодую студентку.

— Людмила, сегодня особенный день? Может быть, праздничный для вас или семьи? Почему вы так сияете?

— Нет повода грустить: дома я счастливая жена и мама, на работе всем довольна,— ответила Людмила.

Мария никогда не позволяла себе делить людей по социальному статусу. Никогда! Что случилось в те минуты — необъяснимо было для неё самой. После откровений Людмилы о своём счастье Мария, глядя на собеседницу, впервые испытала чувство абсолютного непонимания и даже брезгливости. «Как странно,— подумала она,— странная женщина. В чём счастье? Ей тридцать лет (как выяснилось), она сидит в регистратуре и перекладывает бумажки с места на место. Как же можно при этом быть счастливой? Кто она в свои тридцать? Кто? Чего добилась? Тоже мне счастье! Я к своим тридцати годам буду при хорошей должности и уважаемым человеком...»

Мария напугалась собственных мыслей. Посмотрела на часы, время ещё позволяло поболтать с Людмилой, но больше не хотелось. Практикантка объяснила, что ей пора, поблагодарила за приятную беседу, спросила, как пройти к главврачу, и, получив ответ, удалилась.

В приёмной главврача вежливо пригласили присесть и немного подождать. Мария, опустившись на стул, произвольно погрузилась в свои философские мысли, что было свойственно ей. Ожидание затянулось, мысли увлекли очень далеко, она закрыла глаза...

...Зазвонил телефон. Мария, вздрогнув, открыла глаза и потянулась к телефонному аппарату.

— Добрый день! Регистратура слушает,— проговорила она в трубку.

— Запишите нас на приём, пожалуйста,— ответил женский голос на том конце провода.

Прошло десять лет с того самого дождливого дня, который пробудил в Марии преступные мысли по поводу «счастья» тридцатилетней работницы стоматологической поликлиники. Мария давно получила диплом специалиста, вышла замуж, стала мамой, последовательно разрушила свой брак...

А после всего этого, спустя столько лет, судьба, своей поучающей рукой взяв её, как нашкодившего котёнка, за шкирку, привела в регистратуру одной из городских поликлиник. Мария не сопротивлялась. Она знала, что должна будет осознать, как можно быть счастливым человеком в тридцать лет и именно на этом месте. Поэтому всякий раз, оставшись в тишине на рабочем месте, Мария философски закрывала глаза и погружалась в воспоминания о далёкой лучезарной Людмиле.

Справедливо будет сказать, что десять лет назад практикантка после своего пребывания в стоматологии написала не только о главвраче, но и ещё кое-что. «Свет в оконце» — большая и удивительная статья Марии об обычном регистраторе. Таким способом ей хотелось искупить свою вину перед всезнающим небом, снискать прощение за собственные мысли и брезгливость к светлому человеку. Но этого оказалось мало. Надев чужую обувь, Марии предстояло пройти свой путь и самой зажечь яркий свет в окне.

25 января 2018

ОДИНОКИЕ ДУШИ

Лето. Дети всегда с нетерпением ждут это время года. Тёплая погода и, конечно же, каникулы. Для родителей длительные каникулы — очередная забота и размышления о том, чем занять ребёнка, куда отправить на отдых. Некоторые приобретают путёвку в летний лагерь, где их чадо может хорошо провести время, найти новых друзей.

Каждый ребёнок, находясь в загородном круглосуточном лагере в окружении ровесников, всё равно скучает и

ждёт своих родителей. Узнав, что его родные наконец приехали, непременно с радостью бежит навстречу.

А если не к кому побежать, некого обнять, некому обрадоваться?

На второй и третий сезон в летний лагерь «Восход» прибыли воспитанники детского дома, на первый взгляд ничем не отличающиеся от остальных, «домашних», детей — такие же весёлые и озорные. Но это только на первый взгляд. Вожатыми были студенты педагогического университета. Им по восемнадцать-двадцать лет. И для каждого из них оказалось потрясением, когда некоторые дети стали называть их не по имени-отчеству, а «мамой» и «папой». Вожатые по-разному реагировали на ребят из детского приюта. Кто-то начинал сердиться и просить впредь обращаться исключительно на «вы». Но были и те, кто, услышав «мама-папа», с огромным чувством жалости прижимали их к себе.

Особенно нравились друг другу девятнадцатилетняя Анна и семилетний мальчик Мамед. Аня не противилась, если Мамед называл её мамой. В столовой, как и многие дети, мальчик безумно радовался сладостям. И поэтому, заметив это, вожатая стала угощать его своими конфетами, шоколадом. Когда напарник Анны занимался детьми, то она не отдыхала, а забирала в комнату Мамеда, читала ему книги, рассказывала интересные истории, играла с ним.

Подходил к концу третий сезон, детям пора было уезжать, а студентам возвращаться в свою альма-матер к началу нового учебного сезона. Мысли о разлуке с Мамедом тревожили Аню...

Сама Анна рано потеряла маму. Мама её ушла из жизни после тяжёлой болезни. Остался только отец. Говорят, когда две одинокие души встречаются и прикипают друг к другу, они способны сделать всё для того, чтобы больше никогда не расставаться.

Никто не знает, насколько серьёзно, но, уезжая из лагеря, девятнадцатилетняя «мама» обещала Мамеду по окончании университета устроиться на работу и попытаться забрать его к себе...